

УДК 141.319.8:321.01
DOI 10.23683/2227-8656.2018.2.17

**ВЛАСТЬ КАК ВОЛЯ
К ОСВОБОЖДЕНИЮ:
ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

**POWER AS THE WILL
TO LIBERATION:
PHILOSOPHICAL
AND ANTHROPOLOGICAL
ASPECTS**

Черных Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук, доцент,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Sergey S. Chernykh

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Platov South-Russian State
Technical University,
Novocherkassk,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

В статье проведен анализ власти, рассмотренный сквозь призму антропогенной воли, направленной к освобождению как от природной зависимости, так и от эксплуатации человека человеком. В данной связи отмечается, что тема перманентного освобождения человека продолжает находиться в плоскости проблематики эксплуатации и отчужденного труда. Демонстрируется, что желание свободы, во многом связанное с жаждой новизны, является важным мотивом борьбы за власть. В заключение делается вывод о двойственности, присущей власти в антропологической перспективе, которая в своём стремлении к освобождению от природной зависимости, в свою очередь, порождает ещё большую его зависимость от техники и оперативного управления, тем самым задавая новые контуры борьбы.

The article analyzes power, considered through the prism of anthropogenic will, aimed at liberation from both natural dependence and human exploitation by man. In this regard, it is noted that the theme of permanent liberation of man continues to be in the plane of the problems of exploitation and alienated labor. It is demonstrated that the desire for freedom, in many respects connected with the thirst for novelty, is an important motive for the struggle for power. In conclusion of the article, the author underlines, that the duality in power from the anthropological perspective, which in its quest for liberation from natural dependence, in turn, gives rise to its even greater dependence on technology and operational control, thereby setting new contours of the struggle.

Ключевые слова: власть как воля; диалектика власти и свободы; мотивы борьбы за власть; освобождение от природной зависимости; освобождение от эксплуатации человека человеком.

Keywords: power as will; dialectics of power and freedom; motives for power struggle; liberation from natural dependence; liberation from exploitation of man by man.

Введение

Действие власти зачастую носит амбивалентный характер, т. е. она может не только в той или иной степени закрепощать подвластных ей индивидов, ограничивая их «естественную» свободу, но, напротив, выступать освобождающей силой, являть собой волю к эмансипации. Историческое развитие антропогенной цивилизации вполне определенно демонстрирует ряд таких примеров, когда вследствие трансформации властных инстанций разрушались прежние формы эксплуатации человека человеком, а следовательно, целые группы населения получали в своё распоряжение большую свободу, как выбора, так и действия. Вместе с тем постоянная борьба за власть может не только служить освобождению лишь какой-либо отдельной части подвластных индивидов, но одновременно с этим также создавать для них новые типы зависимости и подчинения.

В целом власть может освобождать индивида различным образом и на разных этапах своего воздействия на его существование, т. е. она способна влиять и контролировать степень свободы в трёх её аспектах: как свободу выбора, свободу действия и свободу самого желания (хотения). Пожалуй, наиболее фундаментальные формы освобождения будут находиться в плоскости роста способности (свободно) выбирать из многих вариантов индивидуального развития. Поэтому именно свобода выбора, на наш взгляд, предоставляемая действующей властью, как правило, ставится ей в заслугу и рассматривается как её основное позитивное преимущество. Помимо этого, власть может позволять индивиду свободу действовать, например сохранять за ним большую свободу движения и перемещения. В данной связи также проблематичным остаётся вопрос о воздействии совокупной власти на процесс (культурной) преформации желаний индивида, т. е. насколько это влияние является детерминирующим и в дальнейшем может повлиять на свободу как выбора, так и действия индивида. По крайней мере, на этой стадии власть не должна действовать слишком репрессивно, чтобы не лишить индивида желания жить и не уничтожить в нём полностью стремление к счастью.

Воля к освобождению как индивидуальная или коллективная воля, направленная на овладение более благоприятной ситуацией, также реализуется в антропологической перспективе двояким образом: как освобождение от природной зависимости (совершаемое путём расширения человеческого господства над самой природой); эмансипация от наиболее жестких форм эксплуатации человека человеком.

Власть как антропогенная воля к освобождению от природной зависимости

Не вызывает сомнений тот факт, что основополагающая, сущностная характеристика человека заключается в возможности производить орудия труда, а в более широком смысле – инструментализировать силы природы, превращая их в средства усиления видового могущества. Следовательно, и власть над природой также может быть превращена представителями вида *homo sapiens* в орудие перманентного освобождения посредством расширения границ своей свободы. Однако подобная, инструментальная установка, реализуемая главным образом как «постепенное вытеснение естественного отбора рациональным действием» (Хоркхаймер, 2011. С. 111), всё же таит в себе опасности для человека, связанные с чрезмерным потреблением (потребительством) при недостаточности природных ресурсов и хрупкости экосистемы в целом.

Наступательное приспособление *homo sapiens* к окружающей среде стало осознанной необходимостью на пути человеческой свободы, но оно также поставило свободу человека с производительностью его труда. Поэтому освобождение человека, связанное с развитием его творческого потенциала, несомненно, лежит в плоскости решения проблемы «отчужденного» труда. В данной связи Г. Маркузе указывал на то, что современная наука и техника (превратившиеся в инструмент господства над природой) сами приобрели явные идеологические черты (Хабермас, 2007). Притом что восхваление экологической и сексуальной идиллии, что, например, отчетливо проявилось в творчестве Г. Маркузе, сопровождаемое отказом от самого труда (Marcuse, 1974), связанное с критикой инструментального разума как такового, который только лишь порабощает человека посредством интенсификации господства над природой, пожалуй, может рассматриваться в качестве продукта романтического сознания.

В связи с вышесказанным важно отметить, что романтическое стремление к деконструкции мира труда представляется нам не вполне оправданным, поскольку способность человека к изобрета-

тельству, а посредством него и направленность на обладание природой, выступает его видовой (биологической) характеристикой. Поэтому в данной связи всё-таки более объективным выглядит утверждение М. Шелера о том, что «последней основой для убеждения в пространственно-временной закономерности так-бытия природы, которым руководствуется всё позитивное исследование природы, служит не так называемый чистый разум (рационализм и Кант) и не (как считают эмпиристы) чувственный опыт, формируемый скорее уже по и соразмерно этой селективной тенденции возможного внимания, – но то по существу биологическое, а вовсе не рациональное или “духовное”, влечение к власти и господству, которое, в свою очередь, равно изначально и одинаковым образом определяет интеллектуальное отношение к миру в восприятии, представлении, мышлении, и точно так же – практическое отношение к миру в действии и в передвижении предметов окружающей среды» (Шелер, 2011. С. 67). Таким образом, вслед за М. Шелером надо признать, что расширение власти человека над природой является необходимым условием его (творческой) деятельности, направленной на качественный рост собственной свободы.

Таким образом, в отличие от других обитателей животного мира человек пребывает в поиске свободы, т. е. не удовлетворяясь уже имеющейся степенью свободы (как выбора, так и действия), он обнаруживает устойчивое стремление к её расширению, в связи с чем его интересуется эмансипация как таковая (часто освобождение ради самого освобождения). При этом мы все-таки можем проследить, что перманентный процесс такого освобождения носит двойственный характер в том плане, что человек стремится как избавиться себя от чрезмерного давления со стороны природного окружения (снизить зависимость от факторов природы), так и освободиться от власти «заскорузных» <надприродных> «суперструктур» («культурных надстроек»), созданных некогда самими людьми, в том числе и в целях освобождения, например от «немоты родовой сущности» (Лукач, 1991), но которые в результате исторического развития сильно устарели, утратили свой прежний освободительный потенциал и приобрели в значительной степени репрессивный характер.

Вместе с тем власть может по-прежнему быть использована индивидом в качестве инструмента освобождения, которое, конечно же, конструируется им самим в зависимости от имеющейся в его распоряжении способности ставить перед собой выбранные цели и оценивать возможность их достижения, а также рисковать. Таким образом,

если индивид обнаруживает в себе волю к освобождению, то следующим для него шагом будет вхождение в борьбу за власть. Если же возвести эту борьбу в метафизический принцип, то окажется, что она будет мыслиться в терминах потенциальной бесконечности, поскольку сама индивидуальная свобода, рассматриваемая в антропологической перспективе, направлена в сторону такой деятельностной бесконечности. Вместе с тем, даже вполне осознавая совпадение своих индивидуальных интересов с групповыми выгодами, основная масса людей (в отличие от профессиональных революционеров) не желает инвестировать собственное время и труд в процесс освобождения, не желая брать на себя риски, связанные с борьбой за власть.

Очевидно, что такая борьба за власть может проявляться не только, как утверждали марксисты, на политическом (глобальном) макроуровне освобождения от тяжелого, отупляющего труда целых классов (или даже пролетариев всех стран), но и на микроуровне в качестве индивидуальной аскезы, направленной на экзистенциальное освобождение от дурных и вредных привычек, например от чревоугодия (обжорство), чрезмерной похоти (сексоголизм), пьянства (алкоголизм), наркомании и т.д. Подобные практики освобождения, направленные на борьбу с дурными привычками и пороками, также должны рассматриваться в качестве властных действий (деятельности по овладению собой).

Ведь для индивида также важно овладеть (расширить и укрепить власть) собственным телом, воображением, разумом и эмоциями, что в целом позволяет достичь определенной гармонии (между постоянно пересекающимися культурными и природными импульсами), которую можно понимать как практическую мудрость (как способность принять экзистенциальную дуалистичность своего существа). Таким образом, индивид должен уже внутренне, духовно быть приурочен к новому этапу своего освобождения, чтобы неожиданное разрушение прежних оков, внезапный хруст вековых скреп не стали для него самым явлением деструктивным, способным повлечь разрушение его личности.

Власть как воля к эмансипации от эксплуатации человека человеком

В связи с тем, что власть, функционирующая в антропогенном поле, всегда использует не только одно лишь физическое, но и символическое насилие, активно интегрируя воображение подвластных в систему контроля, сопротивление индивида зачастую носит духовный характер. Более того, субъективное переживание подвластными лич-

ной свободы нельзя представить без символического опосредования окружающей действительности, которое обязательно включает в себя оценку собственного положения. Возможность производить самооценку ситуации, возможность рефлексии способны пробудить и усилить в индивиде сопротивление. Очевидно, что неповиновение может усиливаться, в случае если прежние символы власти будут, например, переинтерпретированы в новом исключительно негативном ключе, притом что их воздействие на большинство подвластных окажется нестерпимым.

Пожалуй, что угнетение подвластных индивидов, насилие над ними в исторической перспективе, представляет собой все-таки побочный эффект действия власти, притом что не в меньшей степени её субъектами движет желание освобождения. Другой вопрос – насколько массовым может быть освобождение индивидов, совершающееся также и в интересах власти. Тем не менее свобода всегда ожидает того, чтобы индивид завоёвывал её в трудной борьбе. «Свобода – нечто такое, чего он должен достичь, преодолев свое рабство, и он достигает ее, когда в конце концов познает свои истинные потенциальные возможности. Свобода предполагает наличие условий, которые делают ее возможной, а именно осознанное и рациональное господство над миром» (Маркузе, 2000. С. 140). Следуя принципам диалектики, можно предположить, что, для того чтобы лучше закрепощать подвластных, власти необходимо одновременно с этим их всегда от чего-то освобождать, в том числе и в особенности от тяжкого труда, тем самым формируя внутри любого общества наиболее лояльные группы своих политических сторонников, тех, кто в случае угрозы будет её защищать. Вместе с тем даже внешнее давление власти на индивида, чтобы быть эффективным, предполагает создание для него автономных сфер деятельности, где он сможет почувствовать себя существом относительно свободным.

В ряде случаев сопротивление страданиям, причиняемым властью, могло вылиться, например, в создание эскапистских идеологий, учений, оправдывающих уход (бегство) от мира, или доктрин, проповедующих символическое равенство между людьми (господами и даже явно угнетаемыми) вне зависимости от их реального места в социальной иерархии. Вера в улучшение мира – миллениаристские стремления подвластных индивидов, вступающих в конфликт и открытую борьбу с представителями власти, или, напротив, заключающих союз с её носителями, всегда питались таким глубинным желанием освобождения. Наблюдение за угнетением других (способность к сопер-

живанию), как и собственные страдания, всегда стимулировало творческое воображение и способствовало развитию религии, искусства и науки, направленных на поиск выхода из гнетущей повседневности.

Переживание негативных аффектов, осознание неудовлетворенности своего я и узнавание себя в страданиях другого способствовали возникновению целого ряда концептуальных проектов, в первую очередь марксизма, направленного на активное изменение окружающего мира, свержение тиранической власти и моральное преображение всего человечества посредством освобождения от принудительного труда и несправедливого распределения благ между людьми. «Марксово понятие труда как реализации человеческой индивидуальности, – отмечал в данной связи Э. Фромм, – выражено в его идее полной отмены подневольного труда. Цель развития человека – это формирование совершенно универсального человека, свободного от уродливой специализации. Как полагает Маркс, во все предшествующие эпохи человек был охотником, рыбаком, пастухом или критиком и должен был оставаться им, чтобы не потерять кусок хлеба, а в коммунистическом обществе человек сможет получить неограниченное образование в любой отрасли, где общество регулирует производство и тем самым даёт возможность людям сегодня делать одно, а завтра – заняться другим (утром охотиться, после обеда ловить рыбу, а после ужина заниматься критикой)» (Фромм, 1992. С. 394). Какими бы на первый взгляд утопическими и реально неосуществимыми ни казались подобные революционные проекты, они и теперь несут в себе позитивный заряд освежающей энергии и, пожалуй, являются титаническими тенденциями вырвавшихся на поверхность бытия глубинных экзистенциальных стремлений человека к освобождению и преображению, которые, собственно, только в виде *homo sapiens* достигают своего концептуального выражения.

Пафос подобных (утопических) учений, направленный против угнетения человека человеком и на гармонизацию его отношений с природным окружением, несомненно, с моральной точки зрения заслуживает вполне позитивной оценки, поскольку побуждает человеческий род к духовному развитию, зачастую порождая в его отдельных представителях наиболее яркие поэтические чувства. Более того, многие религиозные и милленаристские чаяния подвластных и в той или иной степени угнетенных людей основаны на ожидании такой (справедливой) власти, которая принесёт людям и всем живым существам избавление от избыточного горя и страданий. Таким образом,

без власти, в ситуации полной анархии, невозможно достичь какого-либо видимого облегчения страданий.

Очевидно, что желание свободы далеко не всегда выступает мотивом к действию, тем более что борьба за власть включает в себя определенные риски, в том числе связанные с гибелью или заточением вступающего на подобный путь субъекта сопротивления. В данной связи подвластные могут вполне идентифицировать большую свободу, которую им в перспективе сулит борьба за власть, прежде всего со страхом перед чем-то неизведанным, непривычным, перед чем-то таким, что может в один миг разрушить их пресловутую стабильность. Поэтому и футуристические проекты освобождения борются в сознании личности с консервативными, охранительными тенденциями, направленными на сбережение прежних достижений.

Кроме того, сама власть, как и борьба за её приобретение, предполагает ответственность, бремя которой может вынести далеко не каждый индивид, в связи с чем многие индивиды также отказываются от борьбы за власть, считая, что дополнительная ответственность будет мешать реализации их индивидуальной свободы. Не желая, таким образом, большей ответственности, зачастую сознательные личности отказываются от стремлений к приобретению власти, тогда как аморальные и не желающие ни за что отвечать индивиды (при этом наделенные сильным «инстинктом» власти), напротив, ввязываются в борьбу за власть без особых моральных раздумий.

Заключение

Несмотря на то что власть зачастую ассоциируется с господством, т. е. именно с принуждением, что очевидно из множества исторических примеров, вместе с тем из того же анализа истории человеческой культуры и цивилизации можно сделать вывод об освободительной роли власти, подтверждающейся тем, что желание свободы всегда было движущим нервом и экзистенциальным мотивом борьбы. Любое относительно свободное действие, как, впрочем, и свободный выбор, предполагает владение ситуацией, т. е. определенную власть над обстоятельствами. Притом что степень индивидуальной свободы конструируется во многом исходя из социальных условий всего общества, в котором действует индивид. Таким образом, воля к власти становится волей к освобождению в том случае, когда обладание властью мыслится и переживается не как самоцель, а как средство освобождения.

Двойственность власти в антропологической перспективе проявляется таким образом, что воля к освобождению от природной зависимости порождает ещё большую зависимость самого человека от других людей, а следовательно, и от совокупности продуктов (накопленного) общественного труда, включая науку и технику, что выдвигает новые цели эмансипации, связанные с очередным включением в борьбу за власть.

Литература

Лукач Д.К. Онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.

Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. 538 с.

Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.

Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практикс, 2007. 208 с.

Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. 224 с.

Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2011. 320 с.

Marcuse H. Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud. Boston: Beacon Press, 1974. 312 p.

References

Lukatch, D.K.(1991). Ontology of social being. Prolegomena. Moscow: Progress. 412 p.

Marcuse, G. (2000). Reason and Revolution. Hegel and the formation of social theory. St. Petersburg: Vladimir Dal. 538 p.

Fromm, E. (1992). The soul of man. Moscow: Respublika. 430 p.

Habermas, J. (2007). Technique and science as "ideology." Moscow: Praxis. 208 p.

Horkheimer, M. (2011). Eclipse of the mind. To the Critique of Instrumental Reason. Moscow: Canon+, Reabilitatsiya, 224 p.

Scheler, M. (2011). Problems of the sociology of knowledge. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. 320 p.

Marcuse, H. (1974). Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud. Boston: Beacon Press. 312 p.

Поступила в редакцию

26 февраля 2018 г.